

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

ПОЧЕМУ В АМЕРИКЕ НЕ ЛЮБЯТ ПУБЛИКОВАТЬ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ?

АЛЕКСЕЙ ФЕНЕНКО

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Материал представляет собой ответ на публикацию И. Истомина и А. Байкова «Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов» во втором выпуске «Международных процессов» за 2015 год. В то время как названные авторы ищут объяснение сравнительно небольшого присутствия работ отечественных авторов в зарубежных изданиях в методологических различиях, настоящая статья стремится выявить идеологические основания, образующие сердцевину американского дискурса по международным отношениям. Отмечается влияние ценностных соотношений на перспективы признания в западной научной среде. Сложившаяся в США идеологическая матрица опирается на уверенность в долгосрочной устойчивости сложившегося после распада СССР мирового порядка, убежденность в моральном превосходстве и исторической неизбежности либерально-демократических режимов и глобализированных обществ, согласие с лидирующей ролью Соединенных Штатов в их построении. Автор отмечает, что российское исследовательское сообщество не признает центральные постулаты западных коллег, а значит, дискуссия между ними становится невозможной. Отечественные специалисты в большинстве своем либо уверены в том, что американоцентричный мир скоро ожидает распад, либо исходят из того, что этот процесс уже начался. В отсутствие общей идеологической платформы невозможно сближение методологических позиций. В связи с этим в России оказываются не востребованы столь популярные в США количественные методы, которые опираются на гипотезу относительно долгосрочной устойчивости политической среды. Отечественные исследователи, пережив эпоху «парадигмы освоения» в 1990-х – первой половине 2000-х годов, в последнее время все более явно убеждаются в ограниченности западных представлений о международной среде. В отличие от И.А. Истомина и А.А. Байкова, автор уверен, что сегодня имеет место не интеграция экспертных сообществ, а обратная их ренационализация, причем как в России, так и в США. В результате исчезают каналы диалога между отечественными и зарубежными специалистами.

Ключевые слова:

экспертное сообщество; долгосрочное прогнозирование; количественные методы; внешнеполитическая идеология; американоцентричный порядок; многополярный мир; глобализация; либеральная демократия.

Во втором номере журнала «Международные процессы» за 2015 г. была опубликована статья И. Истомина и А. Байкова «Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов»

[Истомин, Байков 2015]. Авторы поставили задачу понять, почему западные (прежде всего американские) научные журналы крайне редко и неохотно печатают отечественных специалистов. Безусловное до-

стоинство статьи – попытка отойти от распроstrаненной точки зрения: «Нас не печатают потому, что не любят русских». Вместо этого авторы предложили альтернативное объяснение: российских исследователей редко публикуют потому, что они не владеют методологией, принятой на Западе. Косвенно в статье высказывалась мысль, что значительная часть отечественных работ просто не дотягивает до стандартов зарубежных журналов по научному уровню.

Между тем четверть века, прошедшая после распада СССР, – срок более чем достаточный, чтобы сблизиться с американскими стандартами: усвоить математические методы, выучить англосаксонские школы международных отношений, освоить соответствующие системы сносок. Все это – решаемые задачи. Но, как показывает статья Истомина и Байкова, сближения российской и зарубежных научных школ так и не произошло.

Отечественная наука о международных отношениях по-прежнему кардинально отличается от западной. Российские авторы, даже если они корректно оформляют сноски и обильно цитируют американцев, все равно остаются в США чужими. Любопытно, кто публиковался на Западе, знает, через какие трудности проходит русский автор при подготовке статьи и ее в буквальном смысле продавливании к печати [Колдунова 2015]. Возникает вопрос о причинах сложившейся ситуации и перспективах ее изменения.

1

Ответ на этот вопрос я услышал на одной из конференций по проблемам европейской безопасности, которые массово проходили на волне «политики перезагрузки» в 2009–2010 годах. Один участник из Финляндии в ответ на критику российских коллег сделал интересное замечание: «Мы не можем договориться о главном. Для нас все, что произошло после 1991 года, прежде всего расширение НАТО и ЕС, это скорее хорошо. Для вас, русских, это скорее плохо. Вы внимательно

но следите за нами и ждете малейшего нашего промаха, чтобы взять реванш». Тогда его слова не нашли отклика у аудитории. Но, если вдуматься, в них можно найти рациональное зерно.

Американская наука о международных отношениях идеологически нагружена. До сих пор эта ценностная обусловленность не получала столь явного выражения, как в брежневском СССР, хотя движение в эту сторону заметно. Идеологическая заданность присутствует скрыто, имплицитно. В ее основе лежит набор аксиом суждений, которые принимаются на веру некритично. Их обязан признавать каждый международник, работающий в западном академическом сообществе. Сомнение в них сначала переводит вас в разряд «интеллектуальных хулиганов», а затем – и научных маргиналов.

Список аксиом можно свести к семи пунктам:

1. Мировой порядок, сложившийся после распада СССР, будет сохраняться на длительную историческую перспективу. Шансов радикально его пересмотреть в обозримом будущем нет.

2. Все человечество движется с разными скоростями к единой политической форме – либеральной демократии американского типа. Все страны мира можно разделить на передовые и отсталые в зависимости от их способности усвоить нормы американской демократии.

3. Процесс либеральной глобализации носит объективный и прогрессивный характер. В его ходе происходит ослабление государств и передача ими части суверенитета надгосударственным институтам. Исключение – сами Соединенные Штаты, суверенитет которых, как гаранта процесса глобализации, должен сохраняться и укрепляться.

4. У либеральных и нелиберальных государств должны быть разные права в международных отношениях (теория «морально-го неравенства политических режимов»). Первые имеют право влиять на внешнюю и внутреннюю политику последних вплоть до вооруженного вмешательства. У нелибе-

ральных стран нет морального права оказывать Западу вооруженное сопротивление и просто иметь сопоставимые с ним военные потенциалы.

5. Государства больше не являются внутренне целостными консенсусными общностями («бильярдными шарами»): в них происходит перманентная борьба элитных групп. В современном мире некорректно говорить о «национальных интересах» и «национальной безопасности»: существует только безопасность для определенного сегмента элит. Ограничение суверенитета, соответственно, может больше отвечать интересам народа соответствующей страны, если у власти в ней оказываются «неправильные элиты».

6. Соединенные Штаты остаются безальтернативными лидером мира на обозримую перспективу. У США есть право на укрепление «либерального мирового порядка» даже посредством применения силы. Конечно, США должны делать это не в одиночку, а совместно с союзниками. Вместе с тем недопустимо, чтобы какие-то страны ограничивали действия Вашингтона в этом направлении.

7. После распада СССР международные отношения кардинально изменили свой характер. На смену соперничеству государств приходит общая борьба с «новыми вызовами», в рамках которой государства сплачиваются под американским лидерством.

Эти постулаты имплицитно присутствуют в американских политологических работах — не важно, идет ли в них речь об экономическом подъеме Китая или борьбе с транснациональным терроризмом. Размышления строятся только в рамках этой парадигмы. Можно критиковать конкретного президента США за чрезмерную ставку на силовые методы, но нельзя сомневаться в самом праве Америки применять силу за рубежом. Можно рассуждать о том, что увеличение числа «новых вызовов» создает угрозу для американского лидерства, но нельзя сомневаться в том, что сами эти вызовы носят универсальный для «мирового сообщества» характер. Можно критиковать США за развертывание систем ПРО,

но нельзя моделировать конфликт, в котором Вашингтон потерпит поражение. Не случайно один из любимых терминов американских исследователей — «ответственность». Вопросы о том, перед кем мы или любая другая страны должны быть ответственны (и почему вообще должны отвечать перед кем-то), вынесены за скобки как не требующие пояснений.

На международных конференциях я часто сталкивался с интересным явлением: дискуссия с американскими коллегами возможна только в случае, если ты в той или иной форме разделяешь эти семь постулатов. Если же участник их не разделяет (например, не считает потепление климата результатом деятельности человека, а глобализацию необратимой), разговора не получается. Американские спикеры разводят руками и чаще всего игнорируют подобные вопросы. Вместе с теми сам участник в такой ситуации не знает, какой вопрос ему задать! О чем спрашивать американского профессора, если слушатель не считает либеральную демократию прогрессивным политическим режимом и желает увидеть поражение США в военном конфликте? Ситуация превращается в вежливое, но напряженное молчание сторон.

Авторы вышеназванной статьи отмечают, что в США «с самого начала перед исследователем встает задача представления интеллектуального контекста и выявления пробела или противоречия в существующей литературе, которое он стремится восполнить» [Истомин, Байков 2015: 126]. Интересно, что в России подобный дотошный обзор источников и литературы — достояние дипломных и диссертационных работ. Лично мне довольно трудно представить ценность аналитической статьи, треть которой занимает «могильник» из имен и сносок на чужие работы. Более того, большинство произведений из «золотого фонда» американской политологии — от Ганса Моргентау до Джозефа Ная и Фариды Закарии — написана как раз в манере короткой постановки проблемы и ненавязчивого указания той методологической парадигмы, в которой работает автор. В противном случае возникает тен-

денция к бесконечному повторению давно известных теорий, которые стали достоянием учебников.

Судя по описанию А.А. Байкова и И.А. Истомина, американская наука о международных отношениях все больше напоминает марксистско-ленинскую идеологию в СССР. Авторы пишут: «В фокусе внимания рецензентов порой оказываются не глубина выводов и пронизательность наблюдений, а методология анализа, адекватность собранных в ходе полевых исследований эмпирических данных, а также соответствие устоявшейся в англо-американской традиции “нормативной” структуре научной статьи» [Истомин, Байков 2015: 133].

Не важно, к каким результатам пришел исследователь, какие проблемы затронул — главное, что он процитировал идеологически правильных авторов. «Правильными», как следует из статьи, считаются К.Р. Поппер и И. Лакатос. Хотя почему точка зрения философа К. Поппера должна быть для международников истиной в последней инстанции — сказать трудно. Мне вспоминаются советские учебники по истории Средних веков, библиографии которых открывалась разделом «Классики марксизма-ленинизма» и включали в себя даже письма К. Маркса и Ф. Энгельса. Иронизируют ли американские бакалавры над «всегда правильным» К. Поппером, как советские студенты 1970-х годов — над К. Марксом?

Идеологические аксиомы, лежащие в основе огромного количества конструктов, остаются вне критического обсуждения. Приведу несколько примеров. В Соединенных Штатах популярна теория «дилеммы безопасности». Речь идет о парадоксальной ситуации, когда рост национальной безопасности государства, равно как и его ослабление, могут актуализировать угрозу со стороны других государств. Среди американских экспертов есть сторонники и противники этой теории. Между тем если, например, автор считает аннексию и контрибуцию нормальными инструментами межгосударственных отношений, то вся дискуссия становится бессмыслицей. Ана-

логично обстоят дела с пресловутой «теорией демократического мира». В США популярна точка зрения, согласно которой либеральные демократии не воюют друг с другом. Можно соглашаться или оспаривать аргументы ее сторонников. Тем не менее, если вы считаете, что либеральные демократии не воюют друг с другом потому, что загнаны в общие военно-политические блоки и проецируют свою агрессивность на окружающий мир, «теория демократического мира» покажется вам бессодержательной.

Отсюда увлечение американцев математическими методами, которое весьма удачно описали А.А. Байков и И.А. Истомин. Количественные методики в международных отношениях возможны только при условии, что решены три базовые проблемы.

Первая — существующие нормы межгосударственного взаимодействия останутся неизменными на длительную временную перспективу. Только при гарантии неизменности «правил игры» можно выстроить количественную модель развития. Если же мы размышляем в логике, что «война аннулирует любые прогнозы», то никакие математические модели мы не построим по определению. Можно выработать, например, теорию шахматной игры, если игроки договорились о составе фигур и количестве клеток на шахматной доске. Но если появляется группа игроков, требующая играть синими и желтыми фигурами на поле не в шестьдесят четыре, а в сто клеток, то никакие модели игры невозможны даже теоретически.

Вторая — присутствует уверенность, что в длительной временной перспективе не произойдет крупных катастроф. Математическое моделирование основано на логике на удивление стабильных международных отношений, в которой не предусмотрены ни кризисы, ни войны, ни революции, ни просто появление амбициозных и агрессивных политиков. В противном случае невозможно построить ни один количественный прогноз выше потолка в 2–3 года: все остальное будет мистикой, прикрываемой математическими уравнениями. Например, если допускается воз-

возможность крупного военного конфликта, любые прогнозы о численности населения Земли к 2050 г. вызывают скепсис. Если же нас не устраивает существующий мировой порядок и мы готовимся к его ревизии, то математические проекты развития мира – пустая трата времени.

Третья – договоренность об общих ценностных критериях. Уязвимость математических моделей международных отношений заключается в том, что в их основе лежат моральные критерии. Хороши они или плохи – другой вопрос, но они субъективны и не имеют ничего общего с реальными математическими переменными. Можно сколько угодно считать «индексы устойчивого развития». Вместе с тем если отсутствует согласие с принципом, что развитые страны обязаны помогать развивающимся, то подобные инструменты покажутся пустышкой. Можно бесконечно ранжировать страны по уровню ВВП на душу населения. Тем не менее если не считать ценностью высокий уровень потребления, то подобные расчеты вызывают зевоту. Можно высчитывать степень уязвимости стран от террористической угрозы. В то же время, если исследователь полагает, что главные спонсоры терроризма – монархии Персидского залива, а США – их главный покровитель, он отбросит подобные индексы. Использование количественных методов в международных отношениях требует сначала заключения конвенции об общих моральных критериях и допустимых механизмах их реализации.

В конце XIX века английский поэт Редьярд Киплинг провозгласил «бремя белого человека». В Великобритании и США общественность сразу приняла его точку зрения, согласно которой у европейцев есть право насильственно цивилизовать колонии. Однако для Германии, готовившейся сокрушить Британскую империю, такая проблема была бессмысленной. Немцев мало интересовало наличие или отсутствие у англичан права обустроить колонии на свой вкус: они готовились топить британские линкоры. Дискуссия об эффективных математических моделях бу-

дущего между англичанами и немцами была невозможна. Разговор возможен только в рамках общей идеологической парадигмы. Если ее нет, количественные модели – не более чем игра ума.

Все американские научные журналы, сборники и монографии имеют редакционную политику. Она не обязательно представляет собой предписания начальника. Главное, что американские исследователи размышляют в рамках парадигмы, определяемой описанными выше постулатами. Почти во всех работах просматривается специфический образ мирового порядка: мир гегемонистской стабильности, в котором США занимают лидирующее положение, у их потенциальных противников нет сопоставимых с ними военных и экономических потенциалов, а американцы ведут остальные страны на борьбу с «новыми угрозами» и пресекают внутригосударственные конфликты. Авторы, которые не разделяют эту картину мира (не отдельные аспекты, а именно ее в целом), оказываются в Соединенных Штатах маргиналами, находящимися вне интеллектуального поля.

«С точки зрения тех, кто разделяет либеральную веру, внешняя политика и даже война в защиту этих принципов, как в Косово, есть правое дело, даже если согласно установившимся принципам международного права они есть дело неправое. Однако с точки зрения китайцев, русских и всех тех, кто, помимо них, не разделяет этот взгляд на мир, Соединенным Штатам и их союзникам удастся навязывать свои взгляды другим народам не потому, что они правы, но лишь потому, что они достаточно сильны, чтобы это делать», – писал известный американский политолог Роберт Кейган [2008]. Едва ли статья, отражающая такой взгляд на мир, будет с восторгом принята американскими журналами.

2

Большая часть российских международных находится в скрытой или открытой оппозиции к американской картине мира. Примерно до 2006 г. в нашей стране преоб-

ладала описанная А.Д. Богатуровым «парадигма освоения» [2000]. Отечественные исследователи изучали американские работы, охотно ездили по грантам в США, перенимали американскую культуру написания научных статей и издания журналов. На пятнадцать лет показателем научной культуры стало наличие сносок на англоязычные работы и расшифровка любого термина на английском языке. В отечественных работах по общим проблемам международных отношений 70–80% информации было так или иначе связано с Соединенными Штатами. Такое «американофильство» временами смотрелось настолько гротескно, что вызывало сарказм.

Вместе с тем, изучая зарубежные работы, российские авторы так и не приняли глубинный американский взгляд на мировой порядок. Точнее, они не приняли ту картину мира, которая характерна для американской традиции осмысления международных отношений. Небольшое меньшинство, которые их приняло, либо эмигрировало в США, либо ушло в глухую оппозицию, составив маргинальный сегмент российских исследований.

Во-первых, почти все отечественные исследователи никогда не считали ценностью мировой порядок, сложившейся по итогам 1991 года. В России, как ни в одной стране мира, болезненно ощущались итоги распада Советского Союза. Соответственно, сложившийся по его итогам мировой порядок, рассматривался как несправедливый или, по крайней мере, мало подходящий для России. Отсюда, присущие отечественным работам надежды пересмотреть сложившийся «американоцентричный» или «однополярный» мировой порядок, точнее – итоги распада СССР.

В таком контексте понятен скепсис отечественных исследователей к количественным методам изучения международных отношений. Российские исследователи не считают, что современный мировой порядок безальтернативен. Если же ожидается его ревизия, то невозможно математически моделировать долгосрочные тенденции развития. Большинство российских авто-

ров относится со скепсисом к моделям международных отношений: не потому что не освоили принципы их построения, а потому, что считают их слишком наивными для прогнозирования.

Во-вторых, в российской политологии не прижился принцип ранжировать государства в соответствии с их способностью усваивать принципы американской демократии. Еще в середине 1990-х годов он широко критиковался в рамках дискуссий о «цивилизационном подходе». Зато российская общественность быстро усвоила китайскую концепцию «многополярного мира», которая с 1997 г. стала основой внешней политики России.

В-третьих, российские авторы в своем большинстве не признавали право США выступать легитимным лидером мирового порядка. Разумеется, они соглашались с тем, что по совокупности ресурсов Соединенные Штаты приобрели этот статус после окончания «холодной войны». Вместе с тем прямо или косвенно подчеркивалось, что (1) американское лидерство – временное явление и (2) в мире существуют силы, способные ограничить влияние Вашингтона. По мере усиления России, роль ключевого оппонента США стала отводиться нашей стране. Отечественные авторы все чаще напоминали, что только Россия обладает сопоставимым с Соединенными Штатами военным потенциалом и статусом постоянного члена в Совете Безопасности ООН.

В-четвёртых, в российских работах, как правило, отрицалось право США и их союзников ограничивать суверенитет других стран. Концепция «гуманитарного вмешательства» вызвала в России не просто всплеск критики в адрес США. Российские авторы отмечали, что Вашингтон превратил тематику прав человека в обоснование для военного вмешательства. Такая стратегия воспринималась как угроза безопасности России.

Большинство российских работ по международным отношениям можно разделить на два больших направления. Одни авторы выявляли тенденции, которые в обозри-

мом будущем смогут подорвать лидирующую роль Соединенных Штатов. Другие отмечали, что события последнего десятилетия уже подорвали американское лидерство. Один за другим приводились факты, которые завершили начавшуюся в 1989 г. эпоху преобладания США: американское вторжение в Ирак (2003), ядерное испытание КНДР (2006), Мюнхенская речь президента В.В. Путина (2007), «Пятидневная война» вокруг Южной Осетии (2008). Все это вызывало плохо скрываемое раздражение у американцев [Гати 2007]. Запретить российским авторам думать в подобном ключе из Вашингтона, конечно, не могли, но и публиковать работы с подобной идеологией американцы не горели желанием.

Примерно с 2007 г. ситуация стала меняться. Рост конфронтации в российско-американских отношениях совпал по времени с окончанием «парадигмы освоения». Российское экспертное сообщество, усвоив основные западные подходы, стало уставать от роли вечного ученика. Возник запрос на новое поколение работ, способных не только пересказывать американские публикации, но и выдвигать оригинальные концепции. Ужесточение военнополитических противоречий с США ярче высвечивало глубинное несовпадение российской и американской картины международных отношений.

Этой тенденции способствовала растущая идеологизация политологии в США. Американские исследователи все чаще трактовали современный мировой порядок как противостояние сил либерализма и авторитарии. Все это напоминало нарочитую идеологию СССР брежневских времен. После ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. американские политологи упрекали советских обществоведов в том, что они «застыли в прошлом» и не замечают неблагоприятные для Советского Союза сдвиги. Теперь похожие ощущения появлялись у российских авторов. Период после вторжения в Ирак и распада антитеррористической коалиции виделся американским экспертам каким-то «неудобным» или «неуютным». Это наталкивало на вывод, что США

после 2003 г. повторяют мантры о своем лидерстве, но на самом деле не замечают неблагоприятных для них перемен.

Возникла удивительная ситуация. Провозглашая на словах интеграцию в англосаксонский научный мир, российские ученые резко дистанцировались от Соединенных Штатов, в отличие от ситуации начала 2000-х годов. Симптомы этой тенденции были разнообразными: от безболезненного закрытия представительств американских фондов до обсуждения на страницах уважаемых журналов сценариев возможного военного столкновения России и США. В России сложился новый подход к изучению международных отношений, в основе которого лежали:

- представления о серьезном кризисе американского лидерства и даже о потере США лидирующей роли в международных отношениях;

- представления о возвращении Россией позиций великой державы, чего не было в период 1990-х годов;

- указания на растущую многополярности мирового порядка;

- сомнения в безальтернативном характере текущей модели глобализации;

- скепсис относительно объективного характера и степени опасности ее «новых вызовов».

Президентские выборы в России 2012 г. усугубили тенденцию. Дело не в критике российской избирательной системы: США прибегали к ней и раньше. Демонстративно недружественное отношение администрации Б. Обамы к переизбранию В.В. Путина означало переход Соединенными Штатами «красной черты»: прежде Белый дом не ставил двусторонние отношения в зависимость от конкретного лидера. Последующие полтора года подтвердили нежелание США выстраивать диалог с вернувшимся в Кремль В. Путиным. «Закон Магнитского» и «дело Бута» показали, что Соединенные Штаты не считают российский истеблишмент «своим» и не гарантируют ему безопасности. Для отечественных исследователей эти события означали крах иллюзии, что национальная элита включена в гло-

бальный мировой порядок. Вашингтон был столь же недружествен к ней, как и к самой России. Украинский кризис закрепил, но ни в коей мере не породил эту тенденцию.

А.А. Байков и И.А. Истомин указывают на растущие транснациональные связи в научном сообществе. В действительности в последние четыре года мы видим, скорее, обратный процесс: ускоренную ренационализацию научно-исследовательского поля и в России, и в США. В обеих странах закрепляется отношение друг к другу как к враждебным государствам. В обеих странах снизилось желание вести друг с другом серьезное обсуждение. Действует логика: «С врагом дискуссии не ведутся – против врага принимаются меры». Попытки написания программ и «дорожных карт» для двусторонних отношений стали, похоже, достоянием истории. И в России, и США странах начинает преобладать *дискурс взаимной нетерпимости*, выражающийся в:

- подозрению к собственной власти, если она начинает диалог с Россией / США;
- недоверию к коллегам, работающим в российских / американских организациях;
- восприятию новостных лент друг друга как заведомой лжи и пропаганды;
- обсуждении сценариев военного конфликта друг с другом.

Ситуация разительно отличается от «разрядки» 1970-х годов. Тогда лейтмотивом советско-американских встреч было стремление донести позицию своей страны до оппонента. Сегодня на немногочисленных российско-американских встречах преобладает отсутствие споров. Стороны демонстративно озвучивают официальные позиции и уходят от их обсуждения. Подобная враждебность уничтожает не только желание публиковать друг друга, но даже писать друг для друга. Что, собственно, мы хотим сказать или рассказать американской ауди-

тории? Что Россия и США – враждебные державы, которые по-разному видят будущее мирового порядка? В Соединенных Штатах это знают и без наших публикаций. Аналогично и американцу сегодня нечего сказать российской аудитории. Диапазон его восприятия будет определяться стереотипом: «и так понятно, что он скажет».

Санкции свели почти на нет российско-американские контакты в области экономики и образования. Весьма вероятно, что следующим шагом станет резкое сокращение российско-американских научных связей. У исследователей двух стран сегодня слишком разные и трудно совместимые картины современного мирового порядка. В условиях санкций и контрсанкций атмосфера отношений становится все более ядовитой. Мы осторожно подходим к опасной ситуации, когда для россиянина может стать «дурным тоном» публиковаться США, а для американца – в России. А главное: захотим ли мы сами читать статьи друг друга, в которых будет усиливаться негативная риторика и взаимная враждебность?

* * *

Российских исследователей мало публикуют в США не из-за плохого качества работ и не из-за неправильно оформленных сносок. Нас мало публикуют потому, что сама идеология российских работ по международным отношениям плохо согласуется с американским мировоззрением. Мы слишком по-разному видим мир, чтобы избежать взаимного неприятия. В условиях растущей враждебности и ренационализации научного мира американцы, скорее всего, постараются как можно сильнее усилить изоляцию российского научного мира. Для последнего это едва ли окажется болезненным, учитывая, что США все больше видятся как враждебное государство.

Список литературы

- Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra, 2000, зима, том 5, № 1. С 195–201.
 Гати Т. «Ограничителем коррупции в США является сам престиж государственной власти...» // Международные процессы. Т. 5. № 3 (15). Сентябрь – декабрь 2007. С. 96 – 103.
 Истомин И.А., Байков А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2015. №2. Сс. 114–140. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.9

Колдунова Е.А. Как опубликоваться в англоязычном издании. Российский совет по международным делам. 7 декабря 2015 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6965#top-content
 Коган Р. В мире идет глобальное соперничество. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1209328200>

WHY AMERICANS DO NOT LIKE TO PUBLISH RUSSIAN AUTHORS?

ALEXEY FENENKO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

Abstract

In the second issue of *International Trends in 2015 Igor Istomin and Andrei Baykov published an article “Russian and International Publication Practices”*. While it tries to explain the underrepresentation of Russian authors in Western academic journals by analysing the methodological differences between scholarly communities, Alexey Fenenko claims that Russian specialists struggle to get published in the West for ideological reasons. It identifies ideological principles, which determine acceptance in an American discourse on International Relations. They include belief in a long-term stability of the world order, which emerged after the collapse of the Soviet Union, trust in the moral superiority and historical inevitability of liberal democracy and globalization and the acceptance of the U.S. leadership as their principal guarantor. The author, further, argues that the Russian expert community does not share these central axiomatic provisions, advanced by their Western colleagues, therefore, any discussion between them appear to be fruitless. Russian scholars either expect that the American-centric order will disintegrate soon or identify signs of this disintegration, already. An absence of the common ideological framework precludes spillover in the methodological field. Henceforth, Russian academics become reluctant toward quantitative methods so dominant in the U.S., which rest on a hypothesis of long-term sustainability of political landscape. Russian scholars after excesses of uncritical studying of the American mainstream in the 1990s and early 2000s, over the last few years appear to have become disillusioned in the Western understanding of the international affairs. Unlike Istomin and Baykov, the current article expects growing renationalization rather than integration of expert communities both in Russia and the United States. As a result much of the channels for dialogue between Russian and American scholars are destroyed.

Keywords:

epistemic communities; long-term forecasting; quantitative methods; foreign policy ideology; American-centric order; multipolar world; globalization; liberal democracy.

References

- Bogaturov A.D. (2000). Desyat' let paradigm osvoenia [Ten years of the paradigm of absorption]. *Pro et Contra*. Vol. 5, No. 1. P. 195–201.
- Gati T. (2007). "...Ogranichitelem korruptsii v SSHA yavlyaetsya sam prestizh gosudarstvennoj vlasti..." [...Prestige of the national authority in the U.S. is a barrier for corruption in itself...]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 5, No. 3 (15). P. 96–103.
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2015). Srovnitel'nye osobennosti otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh zhurnalov [Russian and International Publication Practices]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 114–140. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.9
- Koldunova E.A. (2015). *Kak opublikovat'sya v angloyazychnom izdanii* [How to Publish in the English-speaking volume]. Russian International Affairs Council. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6965#top-content
- Kogan R. (2008). *V mire idet global'noe sopernichestvo* [There Is a Global Competition in the World]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1209328200>